

Соответственно, в вопросе определения состава представителей юридической науки, участвующих в этом процессе, требуется повышенная деликатность. Оптимальным представляется все-таки личное и, возможно, при соответствующей интенсивности трудозатрат, оплачиваемое участие представителей юридической науки, представляющих разные научные школы и авторитетных в соответствующей области, в работе, по крайней мере, над крупными проектами по систематизации. При этом может быть определен оператор такой деятельности, которому будет выделено соответствующее финансирование, но под условие его использования определенным образом, включая критерии формирования соответствующих рабочих групп.

Когда же будет реализовываться масштабный проект по систематизации всего законодательства, не исключено и создание специальной институции. Д. А. Керимов, например, в свое время предлагал создать Управление или Отдел кодификации законодательства Федерального Собрания Российской Федерации¹, Е. В. Колесников — Национальную кодификационную комиссию при Федеральном Собрании². Естественно, в такого рода структуру должны быть включены представители юридической науки. Об эффективности институционализации высокоуровневой экспертной работы свидетельствует, в частности, деятельность Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, созданного Указом Президента Российской Федерации от 5 октября 1999 года № 1338 и включающего как ученых, так и практиков (многие из которых также являются учеными) в сфере частного права.

Скурко Елена Вячеславовна,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Института научной информации
по общественным наукам РАН

Постгуманизм в юридических концепциях: «лица» и «вещи» в современном праве

В последнее десятилетие получает развитие теория пост-гуманизма, влияние которой распространяется на множество сфер научного знания и социальной практики: от философии до политической теории, искусства, естественных наук. Проникает ее влияние и в юриспруденцию, и в правовую сферу.

Суть постгуманизма исследователи сводят к тому, что в нем выражается децентрализация доминирующей роли человека в обществе, в отношении природы, а также в научных исследованиях³.

В многообразии концепций пост-гуманизма объединяющей является идея о том, что бинарная логика и методы установления таких бинарных границ, как разделение материи на субъекты и объекты считаются примитивизмом. Собственно, материальные основы, от которых выстраиваются различные постгуманистические концепции, выдвигают принципы своей логики как отдельного вопроса концептуальных дебатов, причем, как правило, в центре внимания оказываются формы власти, которые структурируют жизненные миры человека и «нечеловека» как явления одного порядка, хотя и различающиеся между собой⁴.

Своей задачей постгуманистические концепции и исследования считают необходимость сделать видимыми различия между материальными объектами так, чтобы бросить вызов режимам власти, которые их формируют. То есть постгуманистические подходы как бы создают отправную точку для теории, которая задается вопросом о том, как возникают материальные объекты, как они связаны и как могут действовать, вместо того, чтобы анализировать, например, угрозы для человечества природного или искусственного характера (фактор искусственного интеллекта и цифровизации и т. п.)⁵.

В современном правоведении и юридической практике проникновение влияний концепций постгуманизма можно проследить на базовом уровне: в попытках отказаться от разделения

¹ Керимов Д. А. Законодательная техника. Москва, 1998. С. 97.

² Колесников Е. В. Источники российского конституционного права. Саратов, 1998. С. 58–59.

³ Kaell J. Posthuman Property and Law: Commodification and Control through Information, Smart Spaces and Artificial Intelligence. London, New York: Routledge, 2023. P. 5.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 6.

материи на субъекты и объекты (то есть лица и вещи в юриспруденции), что выражается в стремлении размыть эти понятия и представления в сфере права, смешать их вплоть до выворачивания наизнанку правовой материи как таковой.

Действительно, сегодня пишут, например, о том, что в обществе потребления в условиях цифровой экономики, если потребителю предлагается нечто бесплатно, то, как оказывается, сам этот потребитель был кому-то «продан». То есть «если вы получаете доступ к определенным информационным товарам бесплатно, то, как правило, именно вас в данный момент и продают»¹.

В таких «формах» общественного взаимодействия товаром оказывается даже не труд человека, но его коммуникабельность. Коммерциализация коммуникабельности касается не только и не столько информации в социальных сетях: это приобретает особую актуальность в связи с развитием интернета вещей, умных городов и т. п. В этой связи сегодня можно видеть, например, как отдельные исследователи сетуют, что «правовые концепции, касающиеся собственности, по-прежнему основаны на традиционных мнениях о том, что представляет собой вещь и какой контроль подразумевает под собой право на такую вещь»².

С другой стороны, развивается тенденция в признании естественного лица в праве. Здесь речь идет о том, что сегодня все громче звучит требование придавать правовой статус по аналогии с юридическим лицом окружающей среде, природе в целом или отдельным ее частям, объектам, поскольку адепты этого подхода полагают, что тем самым появятся новые правовые средства, в особенности в борьбе за экологию и охрану окружающей среды³.

Сегодня в юридической практике (например, в Австралии, Новой Зеландии, Индии, Эквадоре, а также США, Канаде и других странах) представлен опыт правовой охраны окружающей среды в таких формах, когда природным объектам, элементам экосистем или природе вообще присваивается правовой статус, схожий с понятиями о юридическом лице. Правовая охрана такого естественного лица определяется источниками всех видов и уровней, устанавливается в Конституции государства, отражается в нормативных правовых актах, судебных решениях на национальном уровне, а также проводится в международных договорах⁴.

Правосубъектностью наделяются джунгли и высокогорья, леса и ледники, реки и озера, а также экосистемы, природные парки и даже «природа-мать». Права природы установлены в Австралии для реки Ярра, в Новой Зеландии — для реки Вангануи; в Боливии и Эквадоре «лицом» считается мать-земля, в Уганде — Природа; в Испании — лагуна Мар-Менор и др. Такие права природы в действительности не всегда создают подобие правосубъектности, однако сами объекты могут расцениваться как живое существо. В ряде стран в отношении отдельных природных объектов, в особенности в отношении рек (Ганг, Рио-де-ла-Плата, Ямуна, Козльо и др.) статус лица («юридического лица») был признан в судебном порядке⁵. Обозначенные тенденции дополнительно укрепятся с принятием «Всеобщей декларации о правах рек» (*Universal Declaration of River Rights*), которая сегодня стоит на повестке дня в международном праве⁶.

Так, гуманистический подход и антропоцентризм, традиционно свойственные праву как мы его знаем, в том числе представление о праве как о служении людям, ставятся под прицел идей постгуманизма, вплоть до того, что могут оказаться невозможными утрачены.

«Перелицовывание» права, которое таким образом намечается, не может не привлекать к себе внимания специалистов, поскольку затрагивает основы правопонимания.

Исследователи, в частности, пишут, что различие между субъектом и объектом (лицом и вещью в юриспруденции) можно провести через институт собственности, поскольку он сам основан на разделении субъекта и объекта. Граница, которая существует между человеком и всем остальным, что связано с материей, в дальнейшем используется как разделительная линия для рационализации контроля лица над всем, что может считаться вещью⁷. В постгуманистическом представлении вещь может жить своей собственной жизнью вне зависимости от того, что на нее существует пра-

¹ Kaell J. Op. cit. P. 4.

² Ibid.

³ Rochford F. Environmental Personhood: New Trajectories in Law. London, New York: Routledge, 2024. P. 1.

⁴ Ibid. P. 40.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 31.

⁷ Kaell J. Posthuman Property and Law: Commodification and Control through Information, Smart Spaces and Artificial Intelligence. P. 25.

во собственности у некоторого субъекта¹. Более того, постгуманизм не видит проблемы в том, чтобы наделять вещь властью, от нее исходящей и проецируемой ею на окружающий мир (в том числе человека)², то есть в целом выстраивать свою картину мира через некое взаимодействие энергий любого источника и переносить ее в правовую сферу в том числе³.

Поборники статуса естественного лица природы в своей аргументации критикуют тот факт, что институты охраны окружающей среды в современных правовых системах, как правило, основываются на принципах права собственности, а следовательно, определяют эксплуатацию природы, а не ее защиту. Это утверждение, однако, скорее «моральная», нежели практически значимая категория для современной юридической практики. Так, в судебном разбирательстве по иску экологов о присвоении реке Колорадо статуса юридического лица (*Colorado River Ecosystem v. Colorado*, 2017) суд высказался о том, что истец «преувеличил дихотомию между лицом и собственностью, переоценив при этом возможность достичь существенных изменений в системе управления рекой Колорадо при условии придания ей статуса лица, а кроме того, преуменьшил потенциал института имущественных отношений, предусмотренных концепцией собственности в системе общего права»⁴.

В сущности, постгуманистические идеи характеризуются тем, что стремятся бросить вызов антропоцентризму, включая представление о том, что право призвано служить человеку. Пост-гуманизм формирует требование концептуализировать человека лишь как некоторую часть природы, глобальной экосистемы, причем не обязательно в качестве центральной, основной ее части. Например, по мнению ряда современных течений экологов, права природы обладают абсолютным приоритетом, за ними в иерархии следуют права человека, далее — «права корпораций» и т. д.⁵

Действительно, в истории права известны случаи, когда «одушевлялись» и наделялись правосубъектностью животные или природные объекты (например, судебные процессы над животными в Средние века в Европе, известные предусмотренные средневековыми судебниками на Кавказе действия в случае причинения смерти человеку падением камня с дома или церкви, когда первый подлежал бы разрушению, а для второй предусмотрено, что, коль скоро это «мать», разрушать ее нельзя и т. п.), известны случаи, когда человек выступает в роде вещи *ius in personam* первоначально понималось буквально, как и *ius in rem*. Сегодня по мере проникновения идей постгуманизма в правовую сферу изменяется сама точка зрения, в любые времена в конечном счете остававшаяся антропоцентрической.

В правовой сфере эти процессы расцениваются специалистами как некая особенная форма правового плюрализма, в рамках которой по мере децентрализации антропоцентрического мышления происходит и децентрализация роли государства, в том числе в правовом развитии⁶. Эти процессы, с другой стороны, не новы и сходны с тем, как происходила интеграция правовых концепций и отдельных традиционных практик коренного населения при расширении Римской империи, то есть с древних времен⁷.

Нельзя, однако, игнорировать, что современный постгуманизм с его идеями, проникающими в правовую сферу, способен существенно исказить «правовую картину», хаотизировать «правовое пространство».

В этой связи важно помнить, что право — по-настоящему древняя конструкция, служившая человеку, его выживанию и развитию. Специалисты подчеркивают роль права в оформлении способности человека образовывать оседлые сообщества. Правовые формы охраны собственности (а, главное, результатов труда) стали принципиально важными для общественной безопасности при оседлом образе жизни⁸.

Исследователи подчеркивают, что право не является продуктом неолиберализма. Хотя правовые формы использовались для развития рыночных отношений и капиталистического способа

¹ Kaell J. Posthuman Property and Law: Commodification and Control through Information, Smart Spaces and Artificial Intelligence. P. 26.

² Ibid. P. 5.

³ Подробнее см., например: Kaell J. Posthuman Property and Law: Commodification and Control through Information, Smart Spaces and Artificial Intelligence. Pp. 5–11.

⁴ Цит. по: Rochford F. Environmental Personhood: New Trajectories in Law. P. 90.

⁵ Rochford F. Environmental Personhood: New Trajectories in Law. P. 41.

⁶ Ibid. P. 72.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. P. 94.

производства, особенно в части, касающейся права собственности и договоров, однако это не единственная и отнюдь не главная цель как этих институтов, так и права вообще. Следует, конечно, признать, что, на определенном этапе Новой и Новейшей истории право выступило в ряду инструментов колониальной политики, в определенном роде стало символом колонизации, тем не менее и это не отменяет значения права для мирного сосуществования, безопасности, развития человека и человечества в целом.

Постгуманистическое право, в котором человек рассматривается как пассивный потребитель и таким образом, становится товаром и вещью, а даже неживой природой может, напротив, рассматриваться как источник власти и как бы становится способным к действию лицом, что во многом сходно с архаичными правовыми формами и взглядами.

Лукавство ситуации состоит в том, что выгодоприобретатели в таком положении вещей главным образом это, конечно, манипуляторы, покупатели коммуникабельности любого рода вплоть до наивности экоактивистов всех мастей, в действительности — совершенно определенные физические и юридические лица, конвертирующие свои покупки в совершенно определенные и вполне материальные товары и услуги, имущество и предметы роскоши. Так, постгуманистическое право выстраивается в конечном счете на банальном обмане — *dolus*.

Коль скоро мы уже неоднократно вспоминали древность в связи с постгуманизмом, напомним в завершении: *dolus est machinatio, cum aliud dissimulat aliud agit* — «обман есть хитрость, ибо говорит одно, а делает другое».

Собко Руслан Васильевич,
кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Приволжского филиала Российского
государственного университета правосудия

«Проблема вагонетки» в контексте юридических межпредметных исследований

На страницах «Юридической науки и практики: Вестника Нижегородской академии МВД России» уже не раз поднималась тема важности и даже необходимости всестороннего воспитания правосознания как у студентов юридических вузов, так и у всех сограждан, так или иначе связанных с государствообразующей деятельностью, начиная от государственного управления и заканчивая воспитанием и государственной идеологией¹. Если законодатель или исполнитель не понимает смысла законодательных инициатив, не видит тенденций их развития и запаздывает с изменением правоприменения в соответствии с новейшими тенденциями, в таком случае он действительно может быть с легкостью заменен на искусственный интеллект² или полицейский автоматический дрон³, безошибочный и более точный, чем человек, но лишенный возможности творить и оценивать изменения. Гражданин же, оказавшись перед лицом механизированного закона, очень скоро ощутит на себе правдивость положения, сформулированного еще Цицероном — «*Summum ius — summa iniuria*» (Верховенство права — верховенство бесправия (пер. авт.)).

¹ См: Париков О. В., Собко Р. В. Динамика цифрового образования и связанные с ним глобальные проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 226–229; Его же. Значимость философской и пути совершенствования логико-методологической подготовки специалистов правоохранительных органов Российской Федерации // Проблемы и перспективы подготовки квалифицированных специалистов для правоохранительных органов Российской Федерации: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25 октября 2018 г.). Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. С. 23–29; Собко Р. В. Гуманитарное образование в контексте постправды: проблемы и стратегии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 241–243.

² See: Benyekhlef K., Zhu J. The judicial system and the work of judges and lawyers in the application of law and sanctions assisted by AI // Handbook of Artificial Intelligence at Work. Edward Elgar Publishing, 2024. P. 250–275.

³ See: Chen H. et al. A framework for the optimal deployment of police drones based on street-level crime risk // Applied Geography. 2024. Vol. 162. Pp. 103, 178.